

ИНТЕРВЬЮ

Художник Андрей Задорин: «Национальная библиотека уже не худшее на фоне горы у Троицкого»

f 2 vk 4 o t g + <

Мы продолжаем писать о белорусах, добившихся признания в мире, но не забывающих о том, что они белорусы. Именно о них совместный проект журнала «Большой» и общественной кампании «Будзьма беларусамі!». Знаем своих, ценим и гордимся.

КТО:	художник, которого приятно называть белорусом
ПОЧЕМУ:	из художников, чьи работы нас вдохновляют, мы выбрали самых умных, из самых умных — самых смелых, из самых смелых — в меру авантюристов, а уж из оставшихся — тех, с которыми интересно поговорить
ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА ФРАЗУ:	«Паспорт — это не более чем договор человека с государством. Настоящий патриотизм — не гадить там, где живешь. А все остальное — это такой, квасной патриотизм»

— Андрей, расскажите, как вы пришли в профессию?

— Рисовал я с детства: занимался в студии Дворца пионеров, затем брал частные уроки у Сергея Петровича Каткова, а после его смерти — в студии у Василия Сумарева. Последний из меня верил мало и, когда пришло время определяться с поступлением, убедил, что на отделение живописи я не поступлю никогда. Услышав это, я был просто раздавлен... и смелодушничал — пошел на ДПИ, на керамику. И хоть учиться там было легко: мне нравилась гончарка, фарфор, роспись... но за четыре года я так и не смог увидеть себя в этой профессии. В один момент, накануне последнего курса, я просто взял и позвонил на кафедру живописи. Заведующий предложил мне поработать — нарисовать несколько композиций, чтобы через 10 дней показать их кафедре... Я сделал. И меня перевели... без потери курса, сразу на пятый. Когда ушел — будто скинул душевое пальто.

— В те времена тяжело было выехать за границу. Как вам это удалось?

— Как-то в конце 80-х по линии Общества дружбы молодым художникам предложили сделать выставку во Франции. Но так предложили... безо всяких обязательств. В Лилль шел автобус с танцевальной труппой, от нас требовалось просто принести и поставить в него работы.

А уже тогда обманов в подобных проектах было немало. Рискнуть решили трое: я, Роман Заспонов и Вася Баранов. Работы уехали и попали в Общество советско-французской дружбы в Лилле. Инициатором мероприятия был его сотрудник — Клод Парзис.

БОЛЬШОЙ

В то время он искал способ раздобыть денег для Фонда помощи детям Чернобыля. Где-то вычитал, что советское искусство во Франции вошло в моду, и его можно продавать. И вот пенсионер, в прошлом простой строитель, коммунист-идеалист, не очень искусственный в вопросах современного арт-бизнеса, пошел с нашими работами в самую известную галерею Лилля — «Мешкинд». Его оттуда отправили, конечно. Тогда он пошел в следующую по величине — «Септентрион». Там работы взяли и, несмотря на то, что они были откровенно слабыми (с сегодняшней точки зрения), все продали. На эти деньги нас и пригласили первый раз во Францию, где мы получили предложение о большой выставке.

— **И какими были первые впечатления?**

— О, эти первые поездки во Францию — про них кино снимать можно! Как деньги меняли, чтобы билеты купить, как простаивали у посольств, как рисковали (я даже визу подделал — благо были струйные принтеры!). А первые приемы в галерее и у покупателей! Какими плазмами смотрели на нас французы! Будто на инопланетян. А нам и правда все в диковинку было. Языка мы тогда не знали, как вести себя на таких мероприятиях, толком не понимали. Таким было начало.

— **А как оказались в Голландии?**

— После нескольких удачных выставок владелец галереи представил меня на салоне МАС2000 в Париже, где на мои работы наткнулся голландец Петер Нолдус. Галерея отказалась давать ему мои контакты, тогда он обратился в МИД РБ. И так все удивительно сложилось, что однажды августовским днем 95-го года в нашей минской квартире раздался телефонный звонок — и прозвучало предложение приехать в Голландию со свободными картинами. Так в октябре я приземлился с рулоном своих холстов в Амстердаме.

В 90-е безынтeрнетные годы мир полнился слухами. Например, что есть такое понятие, как контракт с галереей!

В 90-е безынтeрнетные годы мир полнился слухами. Например, что есть такое понятие, как контракт с галереей! Контракт... это было чем-то очень загадочным и манящим. Слышали, что у Заборова он есть. Но юридически мы были совершенно безграмотны. Уже теперь я знаю, что тот первый контракт, который мы подписали с Петером, был составлен очень жестко. Поняли мы это чуть позже. А пока самым невероятным было то, что он обзавелся купить все, что я «произведу» за год, но не больше 50 картин. «Почему 50?» — спросил я. «Потому что я тебе, конечно, доверяю, но если ты приедешь домой и просто перечеркнешь 50 холстов, я обязан буду их купить».

— **Его интересовали только ваши работы? Или белорусское искусство в принципе?**

— Петер не был галеристом в обычном понимании, он был владельцем «кюнстхандель»: скупал работы с целью их перепродажи. Его интересовало фигуративное искусство. А когда Петер узнал, что в Беларуси таких художников большинство, сразу приехал в Минск. Несколько дней мы ходили с ним по мастерским, и в результате в Амстердам он улетел с папкой и рулоном в 100 работ. Все прошло очень удачно, и поэтому несколько следующих лет такие поездки стали регулярными.

Петер покупал по ценам, которые называли художники (часто смешным для Европы), всегда при этом торговался, но когда договаривался — платил сразу. Художники ждали его приездов, и в дни, когда те случались, телефон в нашей квартире был раскален от звонков.

«Большая справка»: Произведения художника находятся в коллекциях Национального художественного музея Республики Беларусь (Минск), Государственной Третьяковской галереи (Москва), Музея современного изобразительного искусства РБ (Минск), Министерства культуры Российской Федерации (Москва), Белорусского союза художников (Минск), в муниципальных и частных коллекциях Бельгии, Великобритании, Германии, Нидерландов, России, США, Франции.
--

— **А как разошлись ваши с Петером пути? Вы ведь не работаете с ним сейчас?**

— Тяжело разошлись, со скандалом: он не смог побороть в себе бизнесмена. Так потом мне и сказал: «Я думал, дружба дружбой, а бизнес есть бизнес». Мой процент падал, его рос — и это он считал победой. При этом мы были друзьями, доверяя друг другу самое сокровенное. Вот такая нестыковка. Долгие годы мы не общались. Но теперь это уже все в прошлом: мы восстановили отношения.

Несмотря на всю меркантильность (Петер сделал состояние на наших художниках), свою долю в развитие белорусского искусства он внес. Вынашивал идею создания особого фонда. Ничего из этого не вышло, тем не менее результатом усилий стала книга, своего рода попытка анализа развития белорусского искусства. Вот книга эта есть, и очень хорошо.

— **Как получилось, что вы начали работать со старыми фотографиями?**

— Мы развивались в определенной системе ценностей: школа, институт, аспирантура, Союз художников, движение по иерархической лестнице... Мы были встроены в эту структуру... В 90-м, работая в мастерских АХ СССР у Савицкого, я впервые оказался в Париже, и эта поездка меня перевернула. То, что я увидел в галереях, в залах Помпиду, было принципиально иным. Вдруг открылось, что все эти звания и регалии вообще ничего не значат. Вернулся я домой с ощущением, что занимаюсь чем-то не тем. В результате отказался от детального рисования и ушел в примитивизм. Долго потом выходил из него. Пока в 1999 году не обратился к старой фотографии. Первая такая работа называлась «Мой без вести пропавший дед» и была достаточно большого размера. Петер, привыкший к моим прежним работам, даже растерялся, увидев ее. Помню, долго задумчивый сидел перед ней, у него были явные сомнения в возможности продавать подобное. Опыт показал обратное.

— Расскажите о вашем впечатлении о Голландии...

— Ну, после предложения Петера мы не сразу решились на переезд. Беспокоились за детей, на тот момент уже достаточно взрослых (сыну было 14). Как бы там ни было, в июне оказались в Голландии. В августе у детей началась школа, а с ней — и ожидаемые проблемы. Не ожидали мы только того невероятного участия, которое проявляла школа: она привлекала специалистов по адаптации, помогала разделить расходы на них. Здесь удивительные учителя. Например, уже после окончания школы к Дмитрию на защиту диплома в ТУ Дельфта за 250 километров приехали его трое учителей, в том числе и директор.

Голландия — очень прозрачная страна в плане налогов, выборов, различных процедур... в общем, как и их большие незанавешенные окна в домах. Люди спокойны, толерантны и не любят разговора на повышенных тонах. Мне нравится, что, встречаясь на улице взглядом, они улыбаются и здороваются, а не отводят в сторону глаза. Во многом именно угроза наступала лет 10 назад нашу дочь в Беларуси... Теперь вот не хочет ехать.

— Да, вот интересно: мы много слышим о толерантности голландцев и белорусов.

Так ли это?

— Белорусов? Возможно, ведь они так долго терпят эту ситуацию в стране. А самих голландцев этой самой толерантностью попрекают, особенно в последнее время. Весь фейсбук гудит, про какие-то партии педофилов начинают писать, которых никогда не было и нет... бесконечно обсуждают однополые браки... И пишут это вполне образованные люди. Да, Голландия — первая страна, которая признала их в 2001-м, в тот год их было заключено больше, чем традиционных. И что? Люди просто легализовали отношения, которые и до этого были. На рождаемости это никак не сказалось... Здесь никто об этом не кричит, подобные новости приходят ко мне с родины.

— Зачем вы взяли голландское гражданство?

— Мне многие задают это вопрос. В тот момент другого варианта не было. Голландия не допускает двойного гражданства, к тому же во многом это связано со страховками. Соответственно, я бы не мог жить и нормально работать.

Пусть прозвучит непатриотично, но я считаю, что паспорт — это не более чем договор человека с государством. Настоящий патриотизм — не гадить там, где живешь. А все остальное — это такой, кислой патриотизм. Наш — не наш... Любое такое деление — тупиковый путь.

— Что для вас родина?

— Сложный вопрос. Я родился в России в Пермской области. Когда мне не было и двух месяцев, семья переехала во Владимирскую область, а еще через пять лет мы оказались в Беларуси. Поэтому четкого понятия «родина» у меня нет. Тем не менее это слово больше подходит к месту, где мы поселились и где у меня появилось желание стать художником, — это Самохваловичи. В те годы — очень зеленый, светлый, утопающий в садах поселок с двумя белыми доминантами зданий НИИ растениеводства и школы на месте старой усадьбы. Сейчас там все поменялось. Аллею сплели, застроили коттеджами, на месте старого парка перед школой появился огромный убогий новый корпус, а вместо сада — стадион.

— Считаете ли вы себя успешным? И каков главный критерий успеха у художника?

— Себя успешным не считаю. Совсем. Даже не думал об этом никогда. Во мне слишком много сомнений, переживаний, возможно, страхов. Как-то в Минске смотрел телевизор, и там с художниками репортаж был. Один сказал: «Я с каждой работой пытаюсь писать все духовнее и духовнее». Про успешность — это из той же оперы.

— Беларусь какой вам видится отсюда?

— Она грустная. И все грустнее становится. В прошлом году мы с Сашей Гришкевичем проехали по небольшому маршруту Западной Беларуси, заехали в усадьбу Огинского, а затем в Богданов, где жил и похоронен один из удивительнейших белорусских художников Фердинанд Рушциц... И если из первой, наплевав на реставрацию и вырубив часть парка, делают аккуратный новодел, то в Богданове, похоже, вообще мало кого интересует, кто там жил и работал... все в ужасном запустении.

Или, например, наша квартира в Минске, на Востоке: ночь — ни одного фонаря. Зато рядом огромную церковь построили, в псевдорусском стиле. Вот она всю ночь освещена... Когда-то я не мог себе представить, что в Минске будет построено такое здание, как библиотека. Построили. Но и это уже теперь не худшее на фоне горы у Троицкого. Вроде и деньги появляются, а такой везде суперантидизайн, что просто грустно... Все какое-то нежилье, некомфортное...

— Когда спрашивают, откуда вы, что говорите?

— Говорю, что из Беларуси, с хорошим чувством говорю.

У нас очень мало контакта с голландцами, мы живем изолированно. А друзья в большинстве своем — люди интеллигентные, знают о стране, ее политике, проблемах.

— В Минске не собираетесь делать выставку?

— Интерес в Минске пока есть, в 2008-м у меня даже возникла идея повторить выставку 90-го 20 лет спустя, но из этого ничего не получилось... А потом был 10-й год, разгон Площади, и для себя я пока решил ничего не делать при этом режиме.

— Что важно для вашей самореализации?
— Внутренний комфорт. Но это в идеале. А в реальности... Парижский галерейщик называет меня стрессменом из-за вечных переживаний и неуверенности.

Текст: Катерина Петухова

Фото: Егор Войнов

Теги: [белорусы](#) [искусство](#) [художник](#)

[f](#) 2 [vk](#) 4 [odnoklassniki](#) [telegram](#) [whatsapp](#) [facebook](#) [g+](#) [share](#)

Комментарии

ALSO ON BOLSHOI.BY

Статуя свободы — в Минске

3 года назад • 1 comment

Визит Евгения Евтушенко в Минск в 1970 году

Дзяўчына «Большого»: ...

3 года назад • 2 comments

Дзяўчына лета з беларускім вершам.

Катя катит. Дневник ...

3 года назад • 2 comments

Катя Дубаневич и ее верный друг, мотоцикл BMW по имени ...

Электромобиль

3 года назад • 1 comment

В 2019-м включите Электри

o Comments bolshoi.by Политика конфиденциальности Disqus Войти

Favorite Твитнуть Поделиться Лучшее

Начать обсуждение...

войти с помощью или через DISQUS

[D](#) [f](#) [vk](#) [g](#) Имя

Прокомментируйте первым.

Подписаться Добавить Disqus на свой сайт Do Not Sell My Data DISQUS

ПЕРВАЯ ПОЛОСА

Максим Кубарко: «Направление движения выбирают технологи, а не режиссеры»

Смена руководства Bosch в Беларуси и результаты 2019 года

Эннио Морриконе: «Невозможно спасти плохой фильм хорошей музыкой»

Дjordje Orulic: «Люди порядочны только тогда, когда они бессильны»

Соснователь компании SATIVA Виктор Галоненко: «Бледная позавка — натурально? Натурально, но бесполезно»

Меняем привычки вместе с VELO

О ПРОЕКТЕ

О нас
Рекламодателям
Спецпроекты
Контакты

РАЗДЕЛЫ САЙТА

Life-shot
Деньги
Культура
Власть
Мир
Интервью
Моторы
Город
Спорт
Технологии

Связный номер

БОЛЬШОЙ

© 2010–2022. При использовании материалов ссылка на сайт «Большой» обязательна. Подробности [здесь](#).

Хостинг — [hojter.by](#)